

Е. Н. Кононко

Образ Ярославны в русской советской литературе

Многие века отделяют от нас «Слово о полку Игореве», но вечно живым и вечно юным остается оно. Д. С. Лихачев писал: «Любовь к Родине высоко подняла его над пределами своего времени, сделала его произведением бессмертным и общечеловеческим, народным и гуманистическим, полным напряженного лиризма и самой трепетной художественной правды»¹.

«Слово о полку Игореве» с первых же лет после его открытия, то есть с конца XVIII в., было восторженно принято большинством любителей художественного слова, привлекло к себе внимание поэтов и писателей. Одни из них — Жуковский, Карамзин — взялись за перевод «Слова» на современный русский язык, о переводе его мечтал и Пушкин. Другие стремились в той или иной мере воплотить идеи и образы «Слова» в своем творчестве. Особенно часто обращались к «Плачу Ярославны»: голос Ярославны, тоскующей на стене древнего Путивля, на целые столетия приворожил к себе поэтов, музыкантов и художников. «Плач Ярославны» положен на музыку А. П. Бородиным и Н. В. Лысенко, образ Ярославны запечатлен в живописи В. Г. Перовым и В. М. Васнецовым, его переводили и перепевали на свой лад и члены «Беседы любителей русского слова», и Белинский, и Шевченко. Каждое поколение, каждое литературное направление по-своему осмысливало его.

«В незабываемой духовной красоте встает перед нами образ Ярославны... Им начинается длинная галерея прекрасных женских типов в русской литературе, которая значительно обогатилась героическими образами советских женщин в наше время»².

Не касаясь вопроса о художественных переводах «Слова», мы стремились показать, как образ Ярославны нашел свое новое воплощение в творчестве русских советских писателей.

В 1925 г. отмечалось 125-летие со времени опубликования «Слова», что, естественно, вызвало особый интерес к нему наших писателей. В это время мы встречаемся с образом Ярославны в русской советской

¹ «Звезда», 1950, № 12, стр. 154.

² В. В. Виноградов. «Слово о полку Игореве» и русская культура. Труды отдела древнерусской литературы, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 15—16.

литературе; одни писатели создают произведения исторического характера по материалам «Слова» — тогда Ярославна предстает перед нами в своем первоначальном облике древнерусской княгини. В других случаях этот образ включается в поэтическую ткань повествования о событиях современных, чтобы ярче оттенить, глубже раскрыть тему, идею нового произведения.

В 1925 г. Борис Лавренев пишет повесть «Полюнь-трава» о гражданской войне, о боях в бескрайних степях у реки Маныч. Битва красных конников с белыми отрядами воскрешает в повести образы «Слова о полку Игореве». Она заканчивается грустными лирическими раздумьями автора, в которых является образ печальной Ярославны: «Полегли мужа, женихи по степным разлогам, ища себе чести, делу своему славы. Свет зари растет, ширится над русской землей, дымными клубами уплывает за рубежи заморские лютая печаль... Только перед зарей томительно плачет в березовой роще зегзица. И одиноко кукует Ярославна на городской стене, утирает тканым рукавом горькие слезы, зовет, прикликивает, ждёт с бранных полей милого князя... Не вернуться возлюбленные... Все проходит легким, беспамятным дымом, но Ярославне плакать до века»³.

Через год в журнале «Красная новь» появляется «Ироический сказ о походе Игоря на половцев» Георгия Шторма. Автор дает очень вольную импровизацию на темы «Слова»: наряду с реальными историческими героями — князем Игорем, Ярославной — действует прекрасная половчанка Тохта на волшебном белом коне и некий мудрый старец Аир, якобы создавший «Слово». Автор по-своему переосмысливает и решает судьбы героев: так, князь Всеволод гибнет на поле боя, князь Игорь кончает свои дни в обители и т. п. Все это рассказано весьма своеобразным языком в духе декадентской поэзии. Вот как представлен плач Ярославны: «Не зегзица на забороле путивльском кокует. Кличет Ярославна, в слезах захлипаясь. Отпечаловать мнит у судьбы свою ладу, трудной мыслью ширяясь по Дону реке... Зори трисолнечные! Ночные и полуночные! Утренняя заря Мария! Как вы тихо потухаете-поблекаете, так бы и скорби Игоревы поблекли — ночные и полуночные!.. Выйду я в чистое поле, на ровное место, под полетные облака: Положу на главу свою красное солнце. Пали меня, яробуйная сила. Не пали ладу мою!»⁴

В юбилейном 1938 г. и следующих за ним образ Ярославны находит свое воплощение во многих произведениях советской литературы. Но теперь это иная Ярославна — не та скорбная, трагическая, которая неустанно оплакивала погибших на полях сражений. Вот Ярославна в стихотворении Натальи Болотовой «Слово»: оно начинается воспоминанием о далекой княгине Ярославне, которая оплакивает Игоря и его храбрую дружину, и завершается образом новой Ярославны, которая, сохранив лучшие черты своего прототипа — верную любовь, горячую заботу о родине, приобретает качественно новые черты, не свойственные княгине XII в., но закономерные и естественные в женщине советской эпохи.

Если враг и хищный и жестокий
Вновь нагрянет на мою отчизну —
Я не стану одиноко плакать,
Я не буду в горечи томиться.

Я надену шлем с звездой красной,
Тонкий стан теснее опояшу,
В руки девичьи возьму винтовку,
В бой пойду с своим любимым рядом⁵.

³ Борис Лавренев. Собр. соч., т. 2, «Пролетарий», М., стр. 105.

⁴ «Красная новь», № 3, 1926, стр. 119—120.

⁵ «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта, большая серия, 1952, стр. 207.

Вдохновенный гимн любящей и верной Ярославне слагает Александр Прокофьев:

Сохранен твой след осенним ливнем,
Грозами и русской зимой.
Ярославна, свет мой на Путивле,
Свет мой, день мой, век недолгий мой.

Вот ко всем путям, тобой любимым,
Славословя, припадаю я:
К той земле, которой ты ходила,
К той воде, которая твоя⁶.

К образу Ярославны А. Прокофьев обращается снова в 1964 г. в цикле стихотворений «Ярославна» («Октябрь», 1964, № 5).

В 1938 г. мы встречаемся с этим образом русской женщины в повести Ивана Новикова «Сын тысяцкога». В повести, несомненно, интересно стремление восстановить облик неведомого нам автора «Слова», сам процесс создания гениального памятника древней Руси, но попытка раскрыть интимную жизнь героев неудачна: это не только не обогащает нашего представления о них, но искажает их, особенно образ Ярославны. У Новикова она превратилась в «круглолицую девочку, крепкую, как тугая калина, красная ягода»⁷, на которую недвусмысленно заглядывается старший пасынок — Владимир. Оказывается, Ярославна тяготится мужем, который почти вдвое старше ее, и тянется к молодому веселому дружиннику Тимофею, будущему автору «Слова». Все это противоречит нашему представлению о Ярославне, образ которой давно уже стал символом самоотверженной, глубокой любви.

Неудачной следует признать попытку И. Новикова представить Ярославну детям дошкольного и младшего школьного возраста: в 1938 г. журнал «Мурзилка» опубликовал его стихотворение «Игорь и Ярославна». Автор легким четырехстопным хореем повествует о страданиях Игоря в плену и тоске Ярославны.

Кто такая Ярославна?
Это та, что пела славно
Ранним утром на заре
На путивльской на стене⁸.

В 1941 г., буквально на рубеже войны и мира, появилась пьеса Евгения Пермяка «Шумите, ратные знамена». Пермяк, в противоположность Новикову, сосредоточил свое внимание на общественных событиях, связанных с борьбой против половцев, то есть он пишет в одном ключе с автором «Слова» — в этом несомненное достоинство пьесы. Автор подчеркивает: «Великие походы прошлого живут в сердцах народа, вдохновляют его на новые подвиги и требуют своего воплощения в живых образах. Пусть они будят благородные чувства в нашем зрителе и утверждают перенесенную через века несокрушимость духа нашего народа»⁹. Конечно, и в «героическом представлении» Е. Пермяка присутствует любовная коллизия, но она касается только второстепенных или вымышленных героев — Владимира, Кончаковны-Ирины и других. В трактовке главных героев автор остается верен своему гениальному предшественнику XII в. Это в полной мере относится и к образу Ярославны: в пьесе она, несмотря на юность, с начала и до конца остается достойной супругой Игоря — ей поверяет Игорь свои смелые замыслы, которые она одобряет и поддерживает; она с подлинной отвагой ведет себя во время осады Путивля половцами, распоряжается обороной города и т. п. Конечно, это вымысел, но он вполне согласуется со всем обликом княгини, подчеркивает в ней те черты, которыми наделил ее автор XII ст. Удачен и избранный автором стиховой размер — звонкий энергичный ямб с чередующимися мужскими и женскими окончаниями, которым преимущественно написана пьеса.

⁶ «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта, большая серия, 1952, стр. 205.

⁷ Иван Новиков. Повести и рассказы, М., 1938, стр. 343.

⁸ «Мурзилка», 1938, № 9, стр. 16.

⁹ Евг. Пермяк. Шумите, ратные знамена, М.—Л., 1941, стр. 2.

щего с прошлым и эта милая Ярославна на фоне великой русской реки, где шумят катеры, а над водой поднимаются грузокраны — то, что стало неотъемлемой частью современного пейзажа.

Мы встречаем образ Ярославны в стихах Инны Лиснянской («Гусли»), в поэме Евгения Лучковского «Про любовь».

У Лучковского — это Ярославна космического века. Ее любимый улетает в космос и прощается с нею — не на день или два, а на тысячу лет. Но как и та, прежняя Ярославна, она отвечает, что будет его ждать: «Я люблю... я люблю навсегда». Герой отправляется в космос, унося с собой память о Ярославне и веру в нее.

Ярославны, вы вслед не плачьте нам,
Ярославны, платков не пачкайте!
У мужчин есть такая слабость:
Убежать за сто тысяч верст,
Хватануть не горя, так славы,

Окунуться в пламя звезд,
Неизмеренное — измерить,
Неизведанное — пройти...
Ярославны, ждите, верьте
Мы — в пути¹⁵.

И если простить автору слишком прозаично звучащую строку о «запачканных платках», то перед нами очень верная и поэтичная мысль о любви как спутнице подвига. Хорошо представлен автором и образ Ярославны как символ вечной, немеркнувшей любви — вчера, сегодня, завтра.

Его уж нет. Его унесло,
Под ним площадка окуталась пылью,
Над ее окном встала звезда.
Попробуйте,

Только скажите: они любили.
Неправда.
Любят, живут, навсегда¹⁶.

В конце концов оказывается, что любовь Ярославны победила все преграды — любимый из космоса возвращается к ней.

Наконец, Ярославной мы назвали первую женщину-космонавта. И это не просто образ, основанный на созвучии с Ярославлем, родным городом Валентины Николаевой-Терешковой. В нем заключено признание великого мужества, стойкости, верности — черт, воплощением которых стала для нас Ярославна. В. Комиссаржевский в своем очерке говорит о героических порывах русских женщин в прошлом, вспоминает древнюю Ярославну: «Обернусь я, бедная, кукушкой, по Дунаю речке полечу, — доносится до нас сквозь века голос тоскующей Ярославны, подслушанный безымянным автором «Слова о полку Игореве»... Века надежд и борьбы, годы испытаний, титанические свершения должны были пройти прежде, чем мечты Ярославны... обернулись полетом нашей «Чайки», молодой коммунистки из Ярославля»¹⁷.

Эта же мысль звучит и в стихотворении Валентина Вологодина:

Тобю мир сегодня ошастливлен
Судьба твоя светла и высока.
Не серюю кукушкою в Путивле,
А чайкою летишь за облака¹⁸.

Так вдохновенный образ древнерусской княгини Ярославны, созданный гениальным поэтом прошлого, проходит через многие века, не только не утрачивая своей прелести, но обогащаясь новыми чертами, расцветаясь новыми немеркнущими красками в творчестве русских, украинских и белорусских поэтов советской эпохи — Павла Антокольского и Александра Прокофьева, Андрея Малышко и Платона Воронько, Янки Купалы и Аркадия Кулешова.

¹⁵ «Молодая гвардия», 1963, № 2, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 16.

¹⁷ «Советская Россия», 18 июня 1963 г.

¹⁸ «Комсомольская правда», 17 июня 1963 г.